

№ 186 Литерат

П. ПАРСУТЪ

05

№

СОВРЕМЕННАЯ
РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

72

Ив. Бунинъ.

Астма.

КНИГОИЗД.
ОСВОБОЖДЕНИЕ

Книгоиздательство и Книжный Складъ

„Освобожденіе“.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 92. Телефонъ 48-48.

Любовь къ книгѣ становится достояніемъ всѣхъ, а между тѣмъ лучшія произведенія современной русской литературы, печатаясь въ журналахъ или сборникахъ, недоступны по своимъ высокимъ цѣнамъ для широкихъ слоевъ читающей публики. **Наша цѣль—предоставить каждому;** кто любитъ книгу, возможность приобрести ее. И для достиженія этой цѣли мы приступили къ изданію лучшихъ произведеній современной русской литературы по цѣнамъ, доступнымъ *самой широкой читающей публикѣ*. Если роскошные альманахи предназначены для избранныхъ читателей, то наше кромное изданіе мы стремимся предоставить всѣмъ тѣмъ, кто ищетъ живого слова въ твореніяхъ нашихъ лучшихъ писателей.

Книгоиздательство «Освобожденіе» приступило къ изданію серіи книжекъ подъ общимъ названіемъ «Современная русская литература».

Цѣна каждого номера 10 коп.

Для удобства читателей, живущихъ въ мелкихъ центрахъ, гдѣ приобретение книжки затруднительно за отсутствіемъ книжныхъ магазиновъ, мы открыли подписку на: **„Современную Русскую Литературу“.**

Цѣна съ пересылкою за 52 выпуска—4 руб. 50 коп.

» » » » 104 » —9 » 00 »

Вышли слѣдующіе рассказы:

1. Леонидъ Андреевъ. Въ туманѣ.
2. Ф. Сологубъ. Въ толпѣ.
3. Леонидъ Андреевъ. Рассказъ о семи повѣшенныхъ.
4. М. Арцыбашевъ. Сказка стараго прокурора.
5. Евг. Чириковъ. Въ отставку.
6. В. Муйжель. Солдаты. (Конфиск.).
7. Евг. Чириковъ. На порогѣ жизни.

См. 3-ю стран.

МК

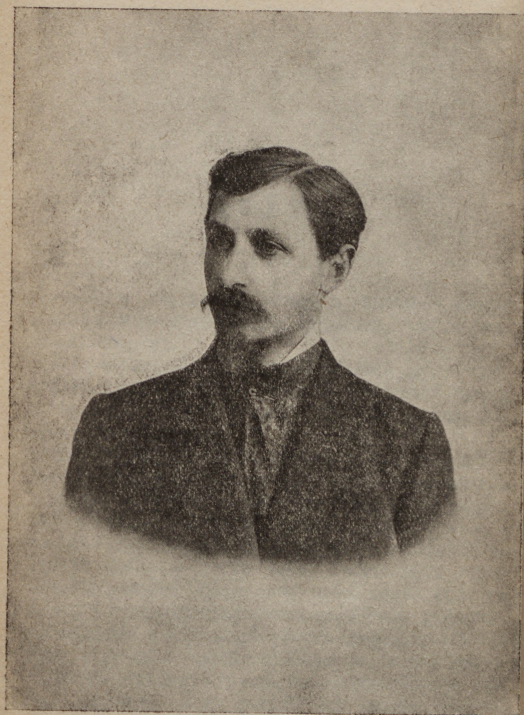
И. Бунинъ.

АСТМА.

И — ннъ

Типографія «СЪВЕРЬ», Спб., Загородный, 17.

И. Бунинъ.

С
=

е
к
е
л
л
у
у
о
к
л
у
з
р
р
л

о
о
о
о
о
о
о

—

Астма.

1.

— А и глухая же сторона наша! — весело сказалъ землемѣръ своимъ груднымъ, слегка слабымъ теноромъ.

И, наклонившись, худой волосатой рукой под-сунулъ подъ сидѣнье телѣжки, стоявшей возлѣ хуторской конторы, старые пыльные ботинки, за-вернутые въ газету.

Быль теплый сухой вечеръ конца августа—вечеръ среди степныхъ полей, такихъ задумчивыхъ и мирныхъ въ засуху позднего лѣта, послѣ уборки хлѣба. Солнце только-что закатилось за вишневымъ садомъ, окружавшимъ контору, и не оставило никакихъ красокъ послѣ себя. Развѣ вотъ стало блѣднѣе голубое однотонное небо, яснѣ луна на востокѣ, спокойнѣе лиловатыя волнистыя равнины, да слышнѣе осторожный трескъ пересохшихъ за лѣто стручковъ акации... Была во всемъ этомъ какая-то большая грусть, но землемѣру и она была пріятна. Все трогало его нынче, но по-

чему—Богъ знаетъ. Это чувство, что все хорошо, все восхитительно, бывало у него послѣ долгихъ томленій въ астмѣ... Но астма не душила давно,—уже больше мѣсяца.

Помѣщикъ Стоцкій, высокій бѣлоглазый блондинъ въ батистовой косовороткѣ и лакированныхъ сапогахъ, посмотрѣлъ съ крыльца съ той благодушной и презрительной улыбкой, которая всегда появлялась у него на лицѣ послѣ двухъ-трехъ рюмокъ. Нынче же ихъ было выпито пять, и угреватое лицо бывшего семеновца стало такъ сизо, что рѣдкіе, бѣлые волосы, тщательно причесанные на косою рядъ, казались льняными, а глаза—голубовато-оловянными. И глаза эти съ легкой улыбкой оглядѣли землемѣра—кожаную куртку на шитой малорусской рубахѣ, лоснящися отъ времени штаны, заправленные въ сапоги, поцыгански загорѣлое и волосатое лицо съ добрыми блестящими глазами, черную съ просѣдью бороду... Кивнувъ работнику, державшему подъ уздцы коренника, помѣщикъ отвѣтилъ:

— Глухая-то глухая, а вотъ голову-то кореннику надо опустить.

Но землемѣръ замахалъ руками.

— Ни Боже мой!—поспѣшно и весело сказалъ онъ мягкимъ груднымъ голосомъ.—Люблю, грѣшный человѣкъ, съ шикомъ проѣхать. Вотъ свернемъ на дорожку, да и съ Господомъ.

— Да и курите же вы!—вставилъ помѣщикъ равнодушно.

— И покурить люблю!—отвѣтилъ землемѣръ, привычнымъ жестомъ доставая изъ бокового кармана камышевый мундштукъ и старый серебряный портсигаръ съ московскимъ кремлемъ на крышкѣ.

И, быстро крутя папиросу, еще разъ оглядѣлъ телѣжку.

Да, все въ исправности! Чуйка на сидѣньѣ, сундукъ съ причиндалами—подъ козлами, тренога—сзади... Про лошадей же и говорить нечего. Съ закрученными въ узлы хвостами и съ задранной мордой коренника—прямо щеголи: часъ ѣзды до неба!

— И, стало быть, прощенія просимъ!—сказалъ землемѣръ, снявъ бѣлый пропотѣвшій по околышу картузь и по-военному шелкнувъ каблуками.—Тысячу рублей денегъ и дѣтей кучу! Дай, Боже, и на лѣто то же.

Вынулъ и помѣщикъ свой портсигаръ,—плоскій, съ оранжевымъ жгутомъ, съ монограммами вкривь и вкось,—и, постукивая мундштукомъ папиросу о крышку, мутно усмѣхнулся.

— Живы ли еще будемъ, господинъ хорошій!—сказалъ онъ.

— Что? — воскликнулъ землемѣръ, поднимая большія черныя брови.—Да ни за что не умру! Вы тамъ какъ себѣ хотите, а я—насъ. Нѣтъ на то моего полного согласія.

— Насъ-то съ вами не спросятъ, — сказалъ помѣщикъ.

— А безъ спросу—это ужъ не тае... не годится.

— Не годится-то не годится,—сказаль помѣщикъ,—а признайтесь-ка, потрухиваете небось? Не даромъ не любите разныхъ тамъ пятницъ, понедѣльниковъ и тому подобнаго...

Землемѣръ сдвинулъ кистью руки картузь на затылокъ и слегка нахмурился.

По совѣсти сказать, не знаю, — отвѣтилъ онъ, глядя въ землю.—Боюсь, если говорить правду, всю жизнь—и весьма основательно боюсь. Въ хорѣ пѣлъ, по покойникамъ читаль, а не привыкъ вотъ...

— То есть, какъ по покойникамъ?—спросилъ помѣщикъ.—Развѣ вы изъ духовныхъ?

— Отчасти,—сказаль землемѣръ.—Дѣдъ—дьячекъ—отецъ—землемѣръ, а я, вѣрно въ дѣда. Въ молодости чуть не всю Библию наизусть зналъ. Теперь забывать сталъ...

— Стара стала, слаба стала,—вставилъ помѣщикъ армянскимъ голосомъ.

— Да вѣтъ,—простодушно возразилъ землемѣръ.—Миѣ вѣдь всего сорокъ пятый. А вотъ—астма! Помните въ Долгомъ коричневаго рогатаго чорта на алтарной двери? Лежитъ съ высунутымъ языкомъ, а Гавриилъ наступилъ на грудь и копьемъ его... Такъ вотъ и смерть: наступить, а ты вывертывайся!

— Охъ, какая чертовщина!—прибавилъ онъ, закрывая глаза.—Гробъ, свѣчи, вѣничикъ... А потомъ—погостъ, ночь, холодъ, темъ, лозинки отъ вѣтра гудуть... А ты лежишь безъ шапки, въ

одномъ сюртучкѣ, весь гнилой, лиловый... Эхъ, умирать бы по птичьему, по звѣриному!

— Ну, это ужъ философія,—сказалъ помѣщикъ.— И звѣри тутъ не при чемъ. Звѣрь издохъ—и дѣло съ концомъ.

— Вотъ именно—воскликнулъ землемѣръ.— Попроще, понимаете, надо! Я, конечно, въ этихъ штукахъ—какъ кротъ въ соломѣ, но что такое смерть? «Я, Чувиль, веселая»...

Работникъ, державшій лошадей, засмѣялся и деликатно отвелъ глаза въ сторону.

Засмѣялся и помѣщикъ.

— Это еще что за Чувиль такой?—спросилъ онъ.

— Да сказка такая есть.—отвѣтилъ землемѣръ съ разсѣянной улыбкой.— Жилъ-былъ, понимаете, какой-то Чувиль, и выросли у него на яблонькѣ золотыя яблоки. Ну, конечно, съ ума сошелъ мужикъ, стережетъ пуше зѣнницы ока... И вдругъ въ одну прекрасную ночь—шастъ къ нему въ садъ Баба-Яга. Носъ крючкомъ, голова сучкомъ, но веселая, развеселая! «Дай яблочка»... Оробѣлъ мужикъ, трихнулъ яблоньку... «Нѣтъ, ты,—говорить,—изъ ручки въ ручку дай!» И цапъ его за руку, да въ лѣсъ, въ избушку. А въ избушкѣ сидятъ, понимаете, дѣвки ея простоволосыя: Аленка и Акулька. Вотъ Яга и говоритъ этакъ безпечно: «Сжарь-ка мнѣ, Аленушка, Чувиля къ ужину, а я пока по дѣлу сбѣгаю»... Сейчасъ Аленка къ печкѣ, разжарила ее—чертямъ тошно, посадила

мужика на лопату—и трахъ въ огонь! Да не тутъ-то было! Уперся мужичишка бокомъ, никакъ не всунетъ его Аленка. «Что-жь ты,—говорить,—не лѣзешь?» «Да я не умѣю,—ты поучи, какъ сѣсть-то».—«У, дуракъ, да вотъ такъ-то»!.. А Чувиль—шмыгъ ее въ печь!

— Да и говорунъ же вы!—сказалъ помѣщикъ.— Вотъ, у насъ въ полку былъ нѣкто Шаховъ не хуже васъ: уморительный субъектъ!

— Ну-съ,—не слушая, продолжалъ землемѣръ,— та же самая исторія происходитъ и съ Акулькой...

— Позвольте,—перебилъ помѣщикъ,—я не понимаю: опять, что ли, мужикъ дѣвку зажарилъ?

— Ну, конечно!—воскликнулъ землемѣръ.— Да суть-то не въ томъ, а въ томъ, что все-таки добралась Яга до мужика. Посадила на лопату, тащить въ печь, да еще и посмѣивается: ужъ и легокъ же ты, мужикъ! «А ты кинь,—говорить мужикъ,—авось на вѣкъ не налопаешься!»—«Да мнѣ и лопать-то не хочется...» «Вотъ те на! Такъ чего жъ тебѣ хочется?»—«А поиграть, да силу твою попробовать: я вѣдь. Чувиль, веселая!..»

— Хороша, стерва, веселая!—сказалъ помѣщикъ.

Землемѣръ помолчалъ, разсѣянно глядя въ землю, и вдругъ засмѣялся.

— Дѣйствительно!—подхватилъ онъ, смѣясь и думая о чемъ-то своемъ.—Дѣйствительно! Есть, знаете, у насъ въ Долгомъ лавочникъ и ростовщикъ, Иванъ Павловъ... Плутъ первостатейный, но деликатень—на рѣдкость. Ростомъ подъ потолокъ,

сюртукъ—по щиколки, глаза косые, томные... И вотъ умираетъ въ прошломъ году у нашего попа сынъ... Является Иванъ Павловъ, краснѣетъ, какъ дѣвица, и говоритъ: «Имѣю честь, батюшка, поздравить съ новопреставленнымъ!»

— Это великолѣпно!—воскликнулъ помѣщикъ.— Имѣю честь поздравить съ новопреставленнымъ!

— Такъ вотъ,—докопчилъ землемѣръ,—мнѣ все и лѣзетъ въ голову: задохнешься ночью, а Иванъ Павловъ войдетъ этакъ вѣжливо, поздоровается со всѣми за ручку—и радостно поздравить... Но, однако, пора и честь знать. Добраго здоровья, Николай Николаичъ! Спасибо за ласку.

— Прощайте, Егоръ Гаврилычъ,—сказалъ помѣщикъ.—Не забывайте.

— Не прощайте, а до свиданія!—шутливо подчеркнулъ землемѣръ, разбирая возжи.

И легко вскочилъ въ телѣжку.

Работникъ посторонился, и лошади сразу тронули рысью. Помѣщикъ посмотрѣлъ на широкую и слегка сутулую спину землемѣра и вдругъ, посиѣвъ отъ натуги, заоралъ не своимъ голосомъ:

— Домой!.. Дом-мой, тебѣ говорятъ!.. Тишка, лови!

Землемѣръ обернулся и увидалъ со всѣхъ ногъ бѣгущаго работника. Оказалось, что пѣгій лягашъ Кадо выскочилъ изъ окна и кинулся слѣдомъ за телѣжкой. Но, услыхавъ крикъ, тотчасъ же прижался къ землѣ и виновато поползъ въ сторону. Землемѣръ посмотрѣлъ, какъ работникъ ловилъ собаку за ошейникъ, и засмѣялся, какъ ребенокъ.

— Боже, что за чудесный песь!—подумалъ онъ съ нѣжностью.

А лошади уже вынесли телѣжку, мимо картофельныхъ ямъ и старыхъ ометовъ, въ поле.

2.

Съ полчаса послѣ этого землемѣръ разсѣянно слушалъ ладный топотъ копытъ по гладкой августовской дорогѣ.

Еще свѣтло было, и дорога, убѣгавшая на востокъ, между пожухнувшими картофельными клямами, казалась фіолетовой.

Землемѣръ смотрѣлъ въ даль, гдѣ поля мертво замыкались линіей узко-колейной чугулки, курилъ и приятно пьянѣлъ отъ несвязныхъ пѣвучихъ мыслей.

Огромный чистый западъ, чуть тронутый розовымъ тономъ надъ горизонтомъ, былъ еще свѣтелъ. Но сиротливо было въ поляхъ. Сиротливо дремали на кочкахъ кроткіе хохлатые жаворонки: услышать топотъ копытъ, сонно побѣжить по пашнѣ — и опять замреть на кочкѣ... Вяло и терпко пахло картофельной ботвой, горько тянуло дымкомъ откуда-то издалека: это мальчишки стерегутъ въ поляхъ лошадей и отъ скуки жгутъ сухую полынь, суволоку... А по дорогѣ попадались корки мелкихъ воронежскихъ арбузовъ и напоминали о томъ, что скоро большая осенняя ярмарка въ городѣ и что

надо ѣхать продавать пристяжную, покупать капусту, поправлять зимнія рамы—и начинать новый скучный годъ.

И землемѣръ съ пѣвучей грустью посмотрѣлъ направо, на пустынные сѣроватыя поля, надъ которыми уже рѣялъ чуть серебристый и, какъ всегда въ засуху, разсѣянный лунный свѣтъ.

— Любопытно, однако, знать,—подумалъ онъ,— что это со мною сегодня? Чего это я разболтался и развеселился? Положимъ, не былъ дома уже двѣ недѣли... дѣлъ передѣлалъ кучу... Да нѣтъ, не то! Можетъ быть, водка? Но много ли было выпито? Сущій вздоръ,—двѣ-три рюмки... Что же, въ такомъ случаѣ?

Но тутъ лошади стали: шлагбаумъ на переѣздѣ черезъ линію былъ опущенъ,—значить, нужно было слѣзать и стучать въ будку.

Спокойный безцвѣтный свѣтъ запада, подобный свѣту бѣлыхъ ночей, еще отражался въ окнѣ будки, и будка показалась землемѣру необитаемой, почти страшной съ этимъ тусклымъ блескомъ стеколъ и тишиной вокругъ.

— Переѣзжать ли?—подумалъ онъ.

Можно было переѣхать тутъ и держать путь на Шальну, Каменку... Можно и возлѣ слѣдующей будки: тогда дорога пойдетъ по опушкѣ большой Кастрюриной Дубровки, а потомъ по глухимъ лугамъ «Ястребинъ-Колодезь»...

И землемѣръ остановился въ нерѣшительности.

Но послышался ровный медленный скрипъ те-

лѣги. И, взглянувъ направо, землемѣръ увидалъ въ легкомъ лунномъ сіяніи большую бѣлую лошадь, — старую, сѣдловатую, въ гречкѣ, съ отвислыми губами. Черепъ ея огроменъ, похожъ на тѣ лошадинныя черепа, что валяются среди бурьяна въ южныхъ степяхъ; пукъ соломы, засунутый подъ узду, дико торчалъ возлѣ праваго полуприкрытаго глаза...

— Куда прешь! — крикнулъ землемѣръ, замахиваясь кнутовищемъ.

Но лошадь точно и не слыхала.

Звонко сипя отъ запала, она прошла возлѣ самаго его плеча, а за нею показалась скрипучая телѣга, пахнувшая дегтемъ и рогожей. Лохматый рыжій мужикъ, въ распоясанной красной рубахѣ, лежалъ въ телѣгѣ внизъ лицомъ, какъ убитый. Подолъ рубахи завернулся на спину, и видна была голая поясница, а ниже — ошкуръ низко спущенныхъ портокъ, крѣпко врѣзавшійся въ тѣло.

— Эй, дядя, — шутливо крикнулъ землемѣръ трогнувшимъ голосомъ. — Ай померъ?

Но и мужикъ не поднялъ головы, не отозвался на крикъ.

И землемѣръ, уже не раздумывая, ударилъ правой возжей. Телѣжка чуть не перевернулась отъ крутого поворота — и шибко покатила возлѣ линіи, за которой неясно серебрилось надъ полями лунное сіяніе.

По-прежнему на душѣ было и хорошо, и грустно, и почему-то тревожно... Все благополучно, все слава Богу, но чего-то недостаетъ... Людей, мо-

жетъ быть, жилья, пріятеля, съ которымъ проговорилъ бы до разсвѣта. Хотѣлось пѣть, рассказывать свою жизнь... Спросить кого-нибудь: что же, наконецъ, будетъ на томъ свѣтѣ что-нибудь, или нѣтъ? Райскія яблочки и черти въ неугасимомъ пламени, конечно, вздоръ... Но вѣдь вздоръ и полное исчезновеніе. Зачѣмъ родился? Зачѣмъ рссь, любилъ, страдалъ, восхищался? Зачѣмъ такъ жадно думалъ о Богѣ, о смерти, о жизни?

— Зачѣмъ, позвольте васъ спросить?—сказалъ землемѣръ вслухъ.

Существовать на томъ свѣтѣ въ теперешнемъ видѣ онъ, конечно, не будетъ. Ибо, если онъ будетъ существовать, значитъ, и эти лошади будутъ существовать... и мириады мириадъ всѣхъ прочихъ лошадей, звѣрей, птицъ, жучковъ, пестрыхъ мошекъ... Но и безслѣдно исчезнуть онъ не можетъ. Онъ этому никогда не вѣрилъ. Истощенъ заботами, болѣзнию, а жить, сохранить себя, хочетъ жадно. И поминутно трепещетъ за свою жизнь, во всемъ чуетъ злобу, тайну, враждебность... Лунный свѣтъ въ пустынныхъ поляхъ, тишина, темный камень вдали, коренникъ, который вдругъ насторожить уши,—все страшно. Днемъ, когда вспоминаешь, просто, незначительно, а ночью—страшно...

— Какъ васильки,—подумалъ землемѣръ.—Днемъ синіе, а погляди вечеромъ, при лампѣ: лиловые!

— Пи, пи, пи!—тонко и хищно зазвучало вдругъ гдѣ-то вверху, въ разсѣянномъ лунномъ свѣтѣ.

Землемѣръ оглянулся, увидалъ поле, телеграфныя столбы, тусклый блескъ, бѣгущій на-встрѣчу ему по рельсамъ, — и на душѣ у него стало еще тревожнѣе. Этотъ пискъ, пискъ кобчика или совки, затерявшійся въ лунномъ свѣтѣ, напомнилъ ему, что безмолвный вечеръ кончился, и въ поляхъ начинается таинственная ночная жизнь. Кроткіе хохлатые жаворонки, проводящіе свои послѣдніе дни въ осиротѣвшей степи, теперь спятъ. Но зато проснулись и всю ночь будутъ съ жалкимъ пискомъ голода гоняться другъ за другомъ всѣ эти мелкіе и крупные хищники, дремавшіе днемъ на телеграфныхъ проводахъ, таившіеся во рвахъ и на лѣсныхъ опушкахъ... Позѣвывая, выползла изъ своей норы въ каменистомъ оврагѣ лисица, вышла на лунный свѣтъ и осторожно потянула по скату, поводя пушистымъ правиломъ... Электрическими зелеными огоньками вспыхнули волчьи глаза въ дубовомъ кустарникѣ... И, представивъ себѣ красоту этихъ глазъ, землемѣръ почувствовалъ приступъ жуткаго восторга.

Да, какъ жалко тявкаетъ лисица, если она худа, тоща, выгнана изъ своей норы болѣе сильнымъ звѣремъ, — какимъ-нибудь угрюмымъ когтистымъ барсукомъ! Какъ плаксиво и зло скулить сокодокъ голодный! И какъ томно потягивается и улыбается лисица сытая, съ густой лоснящейся шкурой! Какимъ звонкимъ и дерзкимъ смѣхомъ заливается этотъ тонкоголосый соколикъ, выбивши добычу у другого, слабаго!

— Я, Чувиль, веселая,—вспомнилъ землемѣръ, зорко глядя на дугу, качавшуюся въ звѣздномъ небосклонѣ, и содрогнулся отъ безпричинной сладострастной жути.

3.

Опять лошади стали передъ будкой на переѣздѣ черезъ рельсы, и опять загородила дорогу перекладаина шлагбаума.

Но на дворѣ уже ночь — блѣдная, сухая, лунная—и будка не похожа на первую. Эта живая, привѣтливая, манить къ себѣ внутрь, гдѣ горитъ лампа и топится печь: видна яркая пасть печи, пляшущая большими языками красно-оранжеваго пламени.

— Эй, добрые люди! — слабо крикнулъ землемѣръ, обрадованный жильемъ. — Пропустите старичка за ради Бога!

И тотчасъ же ожесточенно, захлебываясь, залаяла возлѣ лошадей маленькая лохматая шавка, и босая дѣвочка, лѣтъ шести, скромненько и дѣловито подошла къ столбу шлагбаума.

Загремѣла цѣпь, и огромный журавль, медленно и плавно выростая, потянулся головой къ небу.

— Ты будочникова, дѣвочка?—спросилъ землемѣръ ласково.

— Будочникова,—сдержанно отвѣтила дѣвочка и, наклонивъ головку и мелко перебирая босыми

ножками, пошла поднимать вторую перекладину шлагбаума, за которой лунный свѣтъ и пустынное жнивье сливались во что-то легкое, свѣтлое и серебристое, какъ далекое море.

— А самъ будочникъ дома? — спросилъ землемѣръ, чтобы проболтать нѣсколько лишнихъ минутъ съ живымъ существомъ.

Но дѣвочка, не оборачиваясь, отвѣтила:

— Онъ у городи.

Землемѣръ постоялъ, подумалъ.

— Жалко! — сказалъ онъ. — А что это у васъ печь топится?

— Мать воду грѣеть, — отвѣтила дѣвочка.

— Ай хлѣбы ставить?

— Нѣтъ, у насъ малый померъ.

Землемѣръ широко раскрылъ глаза.

— Какъ померъ? — сказалъ онъ тревожно. — Когда?

— Сичасъ только.

— А великъ малый-то?

— Семой мѣсяць пошелъ.

Землемѣръ облегченно вздохнулъ.

— Ну, ничего! — сказалъ онъ. — Мать еще родить.

— Да намъ его не жалко, — просто отвѣтила дѣвочка. — У насъ ихъ пятеро. Да еще одного недавно зарѣзало.

— Машиной, что ли?

— Машиной. Мать валяла пироги, а онъ выползъ изъ будки и заснулъ... Насъ судили за него,

изъ могилы его откапывали, думали, что мы нарочно положили.

Землемѣрь засмѣялся.

— Ахъ, ты, злодѣйка этакая!—сказалъ онъ весело.—Ну, прощай, спасибо за хлопоты!

— Часъ добрый,—сдержанно отвѣтила дѣвочка.

И лошади съ грохотомъ перенесли телѣжку по деревянной настилкѣ къ тому свѣтлому и легкому, что было впереди, взяли немного вправо, и опять колеса, сорвавшись съ настилки, съ мягкимъ шорохомъ покатались по сухой ровной дорогѣ.

И опять мысли надолго затерялись въ однообразно ладномъ стукѣ копытъ, который безстрастно слушало только блѣдное и все выше поднимавшееся лицо луны.

— Просто къ переменѣ погоды, — подумалъ землемѣрь, подбадривая себя и страясь опредѣлить причины своего безпокойства. — Эй, эй, милая, не рано!

Но теперь, когда осталось сзади послѣднее жильѣ, бодря слова стали безслѣдно теряться въ полѣ. Тревога возростала, глаза жадно всматривались въ даль... Что это, на примѣрь, на томъ дальнемъ косогорѣ, за ложиной, полной свѣтлой дымкой? Что-то длинное, темное, зубчатое... Стѣна, остатки жильѣ? Нѣтъ, просто безхозайная, забытая въ полѣ копна... За ней — опять косогоръ и опять лужокъ, выходящій въ разлатую голую долину, серебристо-туманную подъ луной... Но что это

тамъ? Что-то болѣе блестящее, чѣмъ все остальное... И на немъ что-то двигается... Волкъ?

Землемѣрь вставилъ два пальца въ ротъ, рѣзко свистнулъ и натянулъ возжи. Постромки пристяжной обвисли, коренникъ насторожилъ уши и пошелъ тише... Ёдко и пріятно запахло лошадинымъ потомъ... Что-то темное, двигавшееся на косогорѣ, блестящемъ отъ озими, подняло голову... Стало страшно.

Но прошло нѣсколько минутъ—и по чему-то тупому, что было въ приближающейся фигурѣ, землемѣрь узналъ, что это — теленокъ... Вѣрно, пѣгій, съ бѣлыми рѣсницами, глупый... Поднялъ голову и уставился...

Есть что-то глухое, дикое въ этихъ осеннихъ безпризорныхъ скитаніяхъ телятъ. Какъ только начинаютъ проростать озими, они надолго и далеко уходятъ въ опустѣвшую степь. И по цѣлымъ недѣлямъ бродятъ въ ней, дичають, пріобщаются къ таинственной жизни звѣрей и хищныхъ птицъ...

— А свиньи! — подумалъ землемѣрь. — Черные упрямые борова, съ туго завернутыми винтами хвостиковъ! Тѣ совсѣмъ отбиваются осенью отъ дому, Богъ знаетъ куда уходятъ по лугамъ и косогорамъ... Роютъ подъ кустами, по пригоркамъ, что-то выкапываютъ, чавкаютъ и прутъ дальше, повилая крѣпкой тушей... Иной разъ обомрешь со страху, когда этакій чортъ вдругъ хрюкнетъ и выставитъ изъ куста удивленное рыло... А какая злоба, силища!

Мелькали серебристыя полынки вдоль дороги, проходили темныя равнины пашень, полосы радужно-зеленыхъ озимей, тускло поблескивали подковы пристяжной, женственно отвернувшей голову отъ коренника... Гордо несъ голову могучій коренникъ, шедшій дробной рысью... Хотѣлось курить, надоѣло сидѣть, но землемѣръ все откладывалъ и откладывалъ остановку. Волнуясь все болѣе и болѣе при мысли о томъ дикомъ, сильномъ, беспощадномъ и красивомъ, что окружало его со всѣхъ сторонъ и точно вызывало его на состязаніе, онъ все безпокойнѣе ждалъ чего-то. Надоѣло и волноваться,—отъ этого безпричиннаго волненія сдавливало виски и холодѣли руки,—надоѣло и ждать, но безпокойный внутренній голосъ все настойчивѣе говорилъ, что ожиданія не напрасны. И, какъ бы подтверждая это, коренникъ вдругъ фыркнулъ. Землемѣръ вздрогнулъ, глянулъ на него—и увидалъ, что онъ идетъ съ чутко и строго поднятыми ушами, съ какою-то преувеличенною бодростью, почти съ наглостью.

Страхъ холодомъ прошелъ по всему тѣлу землемѣра. Но бодрость еще не совсѣмъ покинула его. И чтобы поскорѣе увидать то, что должно увидать, онъ откинулся на лѣвый бокъ и пристально взглянулъ впередъ. Впереди то же, что и было: пустое поле и лунное сіяніе. Но поле это идетъ слегка подъ изволокъ, дальше опять повышается—и замыкается темной, высокой и такой красивой въ лунномъ свѣтѣ стѣной старой Кастюринской рощи...

Вотъ она приближается и приближается, темнѣть все гуще... Ясно видна широкая, спокойная тѣнь, падающая отъ ея стѣны на поле... Доносится легкая лѣсная свѣжесть вмѣстѣ съ сухимъ душистымъ тепломъ дуба... А вотъ роща уже и совсѣмъ близко—и ночь стала сразу красивѣе: тѣнь убзче, лунный свѣтъ ярче, роща подъ луною чернѣе, выше, значительнѣе... Еще минута—и телѣжка въ тѣни, катится по гладкой и слегка влажной дорожкѣ вдоль опушки... Направо—пашни налѣво—роща... И далеко видны свѣтлыя поляны среди живописныхъ старыхъ дубовъ.

— Ахъ, хорошо!—съ жуткимъ восхищеніемъ хотѣлъ сказать землемѣръ—и вдругъ замеръ съ широко открытыми глазами.

Изъ тѣнистой рощи легко и быстро, прямо на него бѣжала большая бѣлая лошадь.

4.

— Та или не та? Та, что съ звонкимъ сипомъ прошла возлѣ будки, или не та?

Сладострастный трепеть ужаса еще разъ колочимъ холодомъ прошелъ отъ корней волосъ по всему тѣлу,—и землемѣръ крѣпко натянулъ возжи, чтобы разглядѣть шибко бѣгущую къ нему лошадь.

Но уже ясно было, что не та.

Медленно тащила скрипучую телѣгу большая бѣлая кобыла, встрѣтившая возлѣ будки. Годы, тяж-

кая работа, голодь, неволя сдѣлали ее страшной костлявой, почти съ крикомъ хватающей воздухъ легкими... Эта же шла бодро, чисто, едва касаясь земли. И такъ гордо и граціозно несла свою голову, что сразу было видно, что она молода, породиста, ни одного дня не знала упряжи...

Но въ этомъ-то и заключался ужасъ. И ошеломленный землемѣръ съ размаху рванулъ возжи.

Коренникъ высоко задралъ морду и заплясалъ пристяжная со всего разбѣга осѣла на заднія ноги. Но тутъ бѣлая лошадь, какъ перышко, перенеслась черезъ канаву возлѣ опушки и вся выскочила на ея высокій валъ. И, увидавъ ее, коренникъ дико всхрипнулъ, пристяжная такъ шарахнулась къ оглоблѣ, что она треснула,—и телѣжка вихремъ въ припрыжку понеслась по межамъ пашни. Землемѣръ, не помня себя, вскочилъ на ноги, въ два замаха замоталъ на руки возжи и, откинувшись назадъ, изо всей силы рванулъ къ себѣ лѣвую возжу. И коренникъ, мотая головою отъ удиль раздирающихъ челюсти, понесъ обратно, на дорогу, къ лошади, сторожко и граціозно стоявшей на валу.

Она казалась литой изъ серебра. Но, какъ только колеса телѣжки стукнулись о дорогу, тотчасъ же прыгнула съ вала, дала телѣжкѣ мелькнуть мимо себя,—землемѣръ близко видѣлъ ея прекрасны блестящіе глаза,—и весело побѣжала слѣдомъ.

— Грабятъ!—крикнулъ землемѣръ альтомъ и бросилъ возжи.

Мелькнули послѣдніе дубки роши, телѣжка, какъ по рубелю, сдѣлала нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ по перекопамъ—и опять въ глаза глянуло широкое пустое поле и неясный лунный свѣтъ надъ нимъ. Землемѣръ обернулся—и увидѣлъ, что и лошадь уже въ полѣ—быстро, легко и ровно бѣжить за телѣжкой по сѣрой дорогѣ. Только поблѣднѣла немного, какъ поблѣднѣлъ въ полѣ и самый лунный свѣтъ...

— Съ нами крестная сила!—пробормоталъ землемѣръ, съ трудомъ переводя свистящее дыханіе и опять натягивая возжи.

И опять оглянулся.

Увы, и бѣлая лошадь пошла тише!

И, по-прежнему, выраженіе ея морды было спокойно, весело и ласково-вызывающе.

— Ну, притворюсь, что мнѣ все равно,—рѣшилъ землемѣръ, снова чувствуя приступъ ужаса, но уже не рѣзкаго и сладостнаго, а холоднаго, безнадежнаго, какъ въ кошмарѣ.

И, какъ въ кошмарѣ, погналъ пару подъ изводокъ, въ безконечный, каменистый Ястребинъ-Колодезь.

Мелкая безымянная рѣчка поблескивала и бѣжала по его широкой долині, — настолько мелкая и прозрачная, что можно было сосчитать подъ водою бѣлыя камешки ея днища. Какъ чешуя рыбы, поблескивала она подъ луною, и красивъ и печаленъ былъ въ эту лунную ночь каменистый и пустынный Ястребинъ-Колодезь!

Но любоваться было не время.

Нужно было зорко править, чтобы не вылетѣть на выбоинахъ спуска, нужно было ловко повернуть полной рысью вправо, а потомъ—въ бродъ, не давъ парѣ заартачиться. Но лошади и сами понимали дѣло—и цѣпко пронеслась пристяжная по узкой тропочкѣ надъ обрывомъ косогора, какъ разъ во-время вильнула влѣво коренникъ и увѣренно кинулся въ рѣчку... Прѣсно и тепло пахнуло водой—и колеса съ шумомъ закружились въ серебрянѣ и алмазахъ, сыплющихся въ стороны, глухо застучали по размытымъ бѣлымъ камнямъ...

— Глянуть или нѣтъ?—подумалъ землемѣръ на серединѣ.—Нѣтъ, не надо.

И тотчасъ же оглянулся.

Бѣлая лошадь опять была въ двухъ шагахъ отъ него:

Она какъ разъ по слѣду телѣжки вбѣжала въ воду—и почему-то остановилась. Остановилась и, балуясь, била воду тонкой ногой, поднимая бѣлоснѣжную пѣну. Блѣдное, блестящее лицо луны плавало возлѣ телѣжки слѣва, а сзади стояла красивая и страшная лошадь съ темными человѣческими глазами.

— Пропалъ я!—съ радостнымъ отчаяніемъ подумалъ землемѣръ и погналъ на берегъ.

И черезъ минуту грохотъ колесъ рѣзко оборвался—и, блестя мокрыми шинами, ровно покатались они по мелкому щебню побережья въ смут-

ую, слегка сизую даль безконечнаго луга... Луна осталась сзади.

Чтобы узнать, цѣла ли тревога, землемѣръ еще разъ взглянулъ назадъ и, къ удивленію своему, лошади не увидалъ. Глянулъ влѣво, на скать голога досогога, глянулъ вправо, на прозрачную воду, бѣгущую по бѣлымъ плитамъ, потомъ опять назадъ... Только широкій лугъ, весь, какъ свѣтлымъ дымомъ, наполненный луннымъ сіяніемъ! Но зато на дорогахъ телѣжки, скрестивъ длинныя, тонкія ноги въ разбитыхъ лаптяхъ и повернувъ къ землемѣру мертвое, беззубое лицо, наполовину освѣщенное луною, сидитъ и смотритъ круглыми глазами нищенка. И землемѣръ, увидавъ ее, ляскнулъ зубами и сипло засмѣялся безсмысленнымъ смѣхомъ.

— Хороша!—сказалъ онъ.—Красива! Ты смерть, что ли?

Нищенка молчала.

— Молчишь?—сказалъ землемѣръ.—Значить, это правда?

Нищенка молчала и смотрѣла ему въ лицо неподвижными глазами, положивъ лѣвую руку—большую, костлявую, лиловатую отъ загара—на привязанную къ сидѣнью треногу.

И землемѣръ задумался.

— Нашла съ кѣмъ шутки шутить!—сказалъ онъ горько.—Или мало тебѣ, что ты всю жизнь издѣвалась надо мною?

И вдругъ почувствовалъ такую острую боль горя и обиды, что, не помня себя, взмахнулъ кнуто-

вищемъ. Сладкія слезы злобы сдавили его горло но, какъ только онъ взмахнулъ кнутовищемъ, старуха точно растаяла въ воздухѣ. И внезапно опять зазвенѣлъ гдѣ-то въ небѣ тонкій, радостно-хищный смѣхъ какой-то ночной птицы:

— Пи, пи, пи, пи!

И замирая, затерялся надъ лугами...

Землемѣрь пришелъ въ себя и медленно перекрестился.

5.

Въ Долгое онъ пріѣхалъ передъ разсвѣтомъ.

Нищенка исчезла возлѣ подъема на хохлацкіе выселки Яреськи. И тотчасъ же послѣ этого онъ бессильно опустилъ возжи. Рубашка на немъ была мокрая, сердце билось. Крестьясь, онъ снялъ картузь, вытеръ рукавомъ потный лобъ и, почувствовавъ ознобъ, накинулъ на плечи чуйку.

— Что за чушь!—сказалъ онъ изумленно и посмотрѣлъ въ лугъ.

Но въ лугу было пусто.

Онъ посмотрѣлъ съ горы въ поля за лугомъ, къ юго-востоку—и что-то грозное взглянуло ему въ глаза. А, это поднимается зимнее небо! Уже встаютъ яркія полуночныя созвѣздія: треугольникъ изъ алмазовъ Тельца съ рубиномъ Альдебарана посрединѣ, — мистическое Всевидящее Око... Но силъ уже не хватало.

И землемѣръ сталъ поспѣшно крутить папиросу. И долго курилъ съ жадностью, съ упоеніемъ. А докуривъ, почувствовалъ такую жажду сна, какая бываетъ только въ дѣтствѣ, послѣ долгаго лѣтняго дня.

— Спать, спать!—сказалъ онъ, закрывая глаза и опуская голову.

Лошади шли шагомъ, темныя, ѣдко пахнуція потными хомутами и разгоряченнымъ тѣломъ. Землемѣръ смотрѣлъ на сбитую на бокъ шлею коренника, хотѣлъ поправить кнутовищемъ—и не могъ.

— Спать, спать!—сумрачно говорилъ онъ, закрывая глаза.—Я, кажется, съ ума схожу.

И тотчасъ же начинало казаться, что телѣжка бѣжитъ подъ гору, и отъ этого замирало сердце, путались мысли—и сознание тонудо въ глубокомъ снѣ...

Вотъ чувствуется, что случилось что-то. Онъ слабо открываетъ глаза и видитъ, что телѣжка стоитъ—и коренникъ съ шумомъ дѣлаетъ то, для чего остановился.

Луна поднялась высоко-высоко, свѣтлая, блѣдная ночь стала еще блѣднѣе, и далеко вокругъ разстлана равнина, покрытая блѣдной полынью... Степь, поздно, тишина, свѣжесть...

И опять коренникъ трогаетъ съ мѣста, и опять все путается. Кажется, что низко, низко по землѣ, по полыни, свѣтлой мглой бѣжитъ туманъ, а въ туманѣ,—бѣлая легкая лошадь... Мгла становится все гуще, лошадь понемногу теряется въ ней...

Землемѣръ открываетъ глаза—и видитъ, что коренникъ опять стоитъ: большой дымчатый волъ лежитъ и дремлетъ посреди глинистой улицы, половина которой покрыта косою зубчатой тѣнью, а кругомъ—хаты, хохлацкіе выселки, Яреськи. Мѣсто ровное, но степному голое, улица широкая, а направо и налево—блѣдно-голубыя мазанки съ квадратными глиняными трубами, такія молчаливыя и грустныя въ этотъ поздній часъ долгой лунной ночи! И ни звука, точно все вымерло. Только осторожно и прерывисто трюкають сверчки въ блѣдно-голубыхъ стѣнахъ съ темными мертвыми окошечками, слюдой поблескивающими противъ луны.

— Ахъ, дуракъ, дуракъ!—съ ласковой укоризной говоритъ землемѣръ кореннику и легонько ударяетъ его возжей, объѣзжая важно дремлющаго дымчатого вола съ огромными рогами.

А въ третій разъ онъ открываетъ глаза уже въ Долгомъ, упершись оглоблями въ ворота своего помѣстья. Похоже на Яреськи,—только улица еще шире и длиннѣе, а хаты тонуть въ палисадникахъ. Набѣжалъ туманъ на луну, стало совсѣмъ прохладно, за воротами хрипло и бодро кричитъ басомъ огромный красно-золотой пѣтухъ. Землемѣръ слѣзаетъ съ телѣжки, расправляетъ ноги съ родственнымъ чувствомъ къ своему помѣстью, съ легкой тревогой—благополучно ли въ домѣ?—и чуть слышно стучитъ кнутовищемъ въ кухню, въ крайнее окно длиннаго кирпичнаго дома подъ

желѣзной крышей, почти не виднаго за высокими мальвами.

И черезъ минуту шелкаетъ задвижка, и на крыльцѣ, ежась и зѣвая, появляется солдатка Василиса босая, въ короткой юбкѣ вся теплая и томная со сна.

— Здоровы?—спрашиваетъ землемѣръ, отводя глаза отъ ея голыхъ полныхъ плечъ.

— Славу Богу живы, здоровы,—улыбаясь и почесывая подъ мышками говоритъ Василиса.

— Ну возьми лошадей, вели Кузькѣ распречь...

6.

Дома все было благополучно, жизнь текла обычно, и, какъ всегда, по воскреснымъ днямъ, утромъ изъ зала запахло ладаномъ. Землемѣръ, спавшій не раздѣваясь, плеснулъ на лицо водою изъ умывальника и вышелъ въ залу. Въ залѣ было солнечно, дѣтски весело. На столѣ, въ простѣнкѣ между окнами, выходящими въ палисадникъ, кипѣлъ золотой самоваръ. Кусочекъ ладава, брошенный Марьей Яковлевной въ его трубу—для праздника—распространялъ сладкій церковный запахъ. Марья Яковлевна, толстая, небольшая женщина лѣтъ сорока, похшая лицомъ на фонъ-Визина, мыла чашки и стаканы. И, какъ всегда, землемѣръ поздоровался съ ней ласково-иронически и въ томъ же тонѣ поговорилъ о дѣлахъ.

Новостей было мало: только ссора съ Иваномъ Павловымъ, который опять приписалъ въ книжкѣ.

— Такой свинья!—воскликнула Марья Яковлевна.—Да покаралъ Господь! Помнишь его бланжеваго быка? Картошкой подавился!

— Издохъ?—спросилъ землемѣръ.

— И часу не прожилъ!—сказала Марья Яковлевна, раздувая ноздри.—Покаралъ Господь!

Потомъ помолчала, взглянула въ открытое окно и взволновалась еще больше.

— Ну, вотъ! Полюбуйтесь!—сказала она.—Боже, какія мои дѣти пошлыя! Опять босикомъ!

Дѣти были въ палисадникѣ. Толстый, трехлѣтній Котикъ, одѣтый, какъ дѣвочка, важно ходилъ среди мальвъ, переваливаясь на кривыхъ ножкахъ. Дѣсятилѣтній Павликъ, худенькій, хорошенькій съ черными и всегда гнѣвными глазками, закатавъ до самыхъ паховъ штанишки, цѣлился изъ лука въ воробьевъ. Таня и Оля, тоже худенькія но бѣлобрысыя и некрасивыя, съ замираніемъ сердца слѣдили за нимъ. И ноги у нихъ были тоже голыя: юбки подняты и завернуты на талии, панталоны, какъ у Павлика, закатаны кверху.

Землемѣръ посмотрѣлъ въ окно, ласково и слабо крикнулъ: «Здравствуйте, наследники!» и, улыбаясь, сказалъ:

— При чемъ же тутъ пошлость?

— Ну, конечно!—воскликнула Марья Яковлевна.— У тебя все не при чемъ. Ты ужъ привыкъ во всемъ потакать имъ!

И, видя, что землемѣръ слушаетъ разсѣянно, съ изумленіемъ прибавила:

— Да что это ты какъ блаженный какой?

— Уморился,—виновато сказалъ землемѣръ и отвелъ глаза въ сторону...

Передъ обѣдомъ онъ опять спалъ и поднялся съ тяжелой головой.

Бсть не хотѣлось и, какъ среди мухъ въ жаркій день, было томительно сидѣть среди густого терпкаго запаха картофельнаго супа съ бараниной, среди баловавшихся дѣтей и крика Марьи Яковлевны. «Тоже—залъ называется!»—думалъ землемѣръ, съ кислой улыбкой оглядывая знакомую комнату, вдругъ показавшуюся нестерпимо тѣсной, и противныя украшенія на ея стѣнахъ: генерала Гурко съ косымъ носомъ, лихими баками и яростными глазами, Тамару въ гробу, крещеніе Руси и выцвѣтшіе фотографическіе снимки, на одномъ изъ которыхъ былъ и онъ самъ—въ солдатской позѣ, въ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, въ старомодныхъ штанахъ съ раструбами—и Марья Яковлевна—въ фатѣ и съ безмысленно-выпученымъ взглядомъ. Жадно хотѣлось пива, и, когда принесли изъ лавочки холодную бутылку темнаго толстаго стекла, землемѣръ осушилъ ее почти залпомъ. Потомъ закурилъ и вышелъ за калитку палисадника, на скамейку.

Вечеръ былъ ясный, улица, мирная и красивая отъ бѣлыхъ мазанокъ и разноцвѣтныхъ мальвъ, вся розовѣла противъ заходящаго солнца, блестяла

стеклами. Стрижи весело сверлили воздухъ, кружась надъ площадью направо, надъ куполомъ деревянной церкви. И какъ всегда въ хорошій вечеръ, съ площади, изъ оконъ сидѣльца винной лавки, неслись рѣзкіе, ухабистые басы и альты аристана—звуки краковяка.

Землемѣрь слушалъ, весь наполняясь этими вызывающими и бьющими по нервамъ звуками, и тщетно заставлялъ себя обдумать что-то.

— Ну, привидѣніе такъ привидѣніе,—тупо говорилъ онъ себѣ, съ болѣзненнымъ наслажденіемъ вспоминая подъ краковякъ только одно,—что бѣлая лошадь была ловка, сильна, красива—и возвращался къ другой мысли.

Мысль эта пришла ему въ голову еще утромъ и затѣмъ уже не покидала его даже во снѣ.

— Почему,—напряженно думалъ онъ,—почему дѣти любятъ такъ игру въ войну, въ охоту и въ какія-то далекія поѣздки?

Но голова была пуста, вся полна краковякомъ и ничего не могла отвѣтить на докучный вопросъ. Только повторяла его все настойчивѣй и настойчивѣй.

Чтобы разсѣяться, землемѣрь всталъ и пошелъ къ хатѣ о. Нифонта, жившаго черезъ улицу, почти напротивъ.

Загорѣлый подпасокъ въ старомъ дворянскомъ картузѣ гналъ по улицѣ кучку темно-лиловыхъ барановъ, тѣснившихся другъ на друга, мелко перебиравшихъ ножками и поднимающихъ золоти-

сто-розовую пыль. Бѣлоголовые ребяташки въ однѣхъ рубашонкахъ катали визгливую телѣжку на деревянныхъ кружкахъ вмѣсто колесъ. По тропинкамъ возлѣ палисадниковъ, среди засохшей глинистой грязи, шли бабы съ подоткнутыми подолами и съ корамыслами на плечахъ и низко кланялись поповой хатѣ, не глядя на нее и виляя кострецами. А попъ, огромный, тучный, лысый, сидѣлъ на лавочкѣ возлѣ палисадника, одной рукой разбиралъ большую енотовую бороду, а другой гладилъ ходившаго по его плечу худенькаго котенка мышинаго цвѣта.

— Здравствуйте, здравствуйте, Юрій Милославскій!—благодушно сказалъ онъ.—Давненько не было. Небось, весь земной шаръ смѣрили?

Землемѣръ подсѣлъ на лавочку и, принужденно улыбаясь, набрежнымъ тономъ рассказалъ какая «глупѣйшая» исторія приключилась съ нимъ въ дорогѣ.

Но на о. Нифонта бѣлая лошадь не произвела никакого впечатлѣнія.

— Бываетъ,—сказалъ онъ.—То ли еще бываетъ! Вонъ мои работвики недавно жаловались: какъ только они въ сарай на боковую, такъ сейчасъ же козелъ за стѣной: бя-я! А я и козловъ-то отроду не водилъ... Слышали, какъ бычекъ-то подковалъ Иванъ Павлова?

Землемѣру стало скучно и неприятно. Вспомнилъ онъ однообразіе зимнихъ и лѣтнихъ дней въ Долгомъ, вспомнилъ сплетни, сонъ послѣ обѣда, Марью

Иковлевну, выходящую послѣ сна къ чаю съ желтымъ смятымъ лицомъ, засиженнымъ мухами... И, раздражаясь сказалъ:

— А быка жалко, батюшка! Великолѣпный былъ быкъ! Бывало, бѣжитъ—земля дрожить... Глаза огненной кровью налиты... Не намъ чета!

— То-есть, какъ не намъ чета?—удивленно спросилъ о. Нифонтъ, опуская руку, гладившую тощаго головастаго котенка.

— А такъ,—рѣзко сказалъ землемѣръ и почувствовалъ, что у него похолодѣли руки. — Сила! Я вотъ поѣхалъ какъ-то прошлой осенью въ городъ, а въ городѣ звѣринецъ, а въ звѣринцѣ—левъ. Сижу вечеромъ въ номерѣ, а стекла такъ и заливаются! У меня, понимаете, свѣчка едва коптитъ, номеришка вонючій, зеркальце на стѣнѣ отъ духоты и самоварнаго пара побѣлѣло, а онъ—какъ хватить, хватить! Открылъ я окно—темь, дождь, всѣ забились въ хабарки, а онъ такъ и пануетъ надъ городомъ!.. Ахъ, о. Нифонтъ,—страстно прибавилъ землемѣръ, начиная дрожать отъ волненія,—все-таки нѣтъ ничего на свѣтѣ хуже безсилія!

— Ну, это дѣло другое,—сказалъ о. Нифонтъ.— А то я не понялъ сперва какую мысль вы хотите провести. Понятно страшная сила! Пишутъ будто левъ можетъ хвостомъ быка убить.

Землемѣръ закурилъ папиросу и уже хотѣлъ повторить рассказъ о бѣлой лошади, но вдругъ лякнулъ зубами. Раскраснѣвшееся солнце только-что

ст сѣло за площадью, и все сразу потускнѣло, по-
облекло. Непріятный вѣтеръ, пыля по площади, до-
обѣжалъ до поповой хаты, зашумѣлъ въ мальвахъ,
от и землемѣръ вдругъ дернулся и стукнулъ зубами
отъ холода. Торопливо простившись съ о. Нифон-
ст томъ, онъ торопливо перешелъ улицу, торопливо
вошелъ въ домъ и, не зажигая огня, бросился на
до постель въ своемъ кабинетѣ, узкой комнатѣ возлѣ
ка зала. Въ головѣ, пѣвшею краковякъ, вертѣлась
с) назойливо-мучительная мысль о дѣтской любви къ
ло войнѣ, а нынѣшнее тѣло жадно просило одѣяль, шубъ.
м полушубковъ. Перепуганная Марья Яковлевна бѣ-
н гала по темнымъ комнатамъ, одѣвала его чѣмъ
и пошало, а онъ стучалъ зубами и просилъ дать ему
Г возжи. Онъ видѣлъ что со всѣхъ сторонъ сып-
ст лются на него бѣлые лошадиные черепа, зали-
и вають столы, стулья—и задыхался отъ духоты,
и жары и неловкости подъ этими черепами... А стекла
п дрожали отъ далекаго львинаго рева... Онъ вспом-
м нилъ, однако, что это не ревъ, а громъ, и, открывъ
до глаза, услыхалъ шумъ вѣтра за окномъ, увидалъ
в: золотой сполохъ, озарившій комнату...

н — Марья Яковлевна!—крикнулъ онъ слабо.

то — Лампу заправляю, — откликнулась Марья
п Яковлевна изъ зала.

п И землемѣръ опять потерялъ сознаніе.

о Левъ ревѣлъ, въ комнатѣ сгущался мракъ, все
в отчетливѣе и дерзче пѣвшій краковякъ, но вѣтеръ
з: распахнулъ раму и, взвивая какую-то черную за-
навѣску, все сильнѣе и сильнѣе заливалъ мракъ

золотымъ пламенемъ. Въ ужасѣ передъ начинавшимся пожаромъ замлемѣръ вскочилъ и хотѣлъ бѣжать, но вдругъ вспыхнуло одѣяло. Онъ бросился тушить его руками — и потерялъ сознание въ черныхъ клубахъ удушающаго дыма...

Пріѣхавшій на другой день къ вечеру земскій врачъ человѣкъ съ изумленными глазами, въ круглыхъ очкахъ, съ густой огненной бородой и въ парусинномъ балахонѣ, сказалъ, крутя на щекѣ волосы, что у больного крупозное воспаленіе легкихъ.

7.

Воспаленіе протекло быстро. Но до кризиса землемѣръ пришелъ въ сознание только два раза и то не надолго.

Открывъ глаза въ первый разъ, онъ узналъ Марью Яковлевну, понялъ, что онъ дома, что на столкѣ возлѣ кровати горитъ свѣчка. Но бока были такъ крѣпко скованы острыми, нестерпимо рѣжущими при каждомъ вздохѣ желѣзными обручами, глазныя яблоки такъ ломило, а дрожащее пламя свѣчи было окружено такимъ печальнымъ и большимъ мутно-радужнымъ шаромъ, что онъ поспѣшилъ повернуть голову къ стѣнѣ, къ ковру, на которомъ былъ изображенъ очень прямо сидящій турокъ въ тюрбанѣ, огромныхъ шальварахъ и съ мундштукомъ кальяна въ рукѣ.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь? — сдерживая слезы и стараясь говорить ровнымъ голосомъ, спросила Марья Яковлевна.

Но больной не отвѣтилъ.

Все было такъ чуждо ему, такъ скучно, что отвѣтить не хватило силы. Свѣтъ дрожалъ, краснѣлъ, турокъ въ тюрбанѣ росъ, расплывался, принималъ фантастическія очертанія... И сознание опять потонуло въ кошмарахъ.

Второй разъ оно держалось дольше. Въ первую минуту показалось даже, что возвратилось здоровье,—такъ хорошо и просто было самочувствіе. Въ комнатѣ было темно, Марья Яковлевна всхрипывала въ креслѣ, за окномъ синѣла лунная ночь. И землемѣръ вспомнилъ, какъ, много лѣтъ тому назадъ, когда у него было первое воспаленіе, онъ вотъ также пришелъ въ себя поздней ночью, въ темной комнатѣ... И всю душу его охватила невыразимая тоска. Какъ молодъ онъ былъ тогда, какъ красива восхитительна была даже болѣзнь! Онъ цѣлый годъ жилъ тогда дома выгнанный за куреніе изъ пятого класса реального училища, готовился въ землемѣрное, пропадалъ въ полѣ съ ружьемъ и собакой... Въ жаркій апрѣльскій день напился изъ ледяного хрустального ключа въ голомъ веселомъ лѣсу — и слегъ въ постель. Болѣзнь была тяжелая, осложненная разлитіемъ желчи, по ночамъ температура доходила до сорока и больше, но что за ночи стояли тогда! Голова пылаетъ, по тѣлу идетъ острый колючій холодъ,

а лунный свѣтъ такъ дерзко и ярко сквозить въ щели ставни, и соловьи наполняютъ весь садъ такимъ дерзкимъ и яркимъ ликоваіемъ, что весь міръ кажется сказочнымъ неземнымъ сновидѣніемъ... И во всемъ существѣ была непоколебимая увѣренность въ выздоровленіи.

Увѣренность, что онъ не умретъ отъ воспаленія, была, впрочемъ, и теперь. И такъ оно и случилось. На шестой день былъ кризисъ, а на десятый больной уже ѣлъ въ постели бульонъ, пилъ чай и просто, спокойно разговаривалъ.

Былъ онъ желтъ, слабъ, голова и борода у него сильно посѣдѣли,—не сдались только однѣ густыя строгія брови,—но это очень шло къ нему. Лицо стало чище, красивѣе, утонченнѣе. Марья Яковлевна съ радостью рассказывала, какъ онъ бредилъ, какую чепуху онъ говорилъ иногда, — и землемѣръ улыбался съ ласковой снисходительностью къ самому себѣ.

И съ такой же улыбкой, съ грустнымъ и приятнымъ сознаниемъ своей слабости, вышелъ онъ въ первый разъ послѣ болѣзни въ залъ, въ прихожую... Казалось, что онъ уже давно, давно не видалъ знакомыхъ комнатъ!

Глаза у него стали темнѣе, больше и смотрѣли на все удивленно, внимательно. На ногахъ были мягкія туфли, подъ пиджакомъ и рубашкой ласково грѣлъ тѣло лифчикъ изъ лисьей шкурки. Никуда не нужно спѣшить, ни о чемъ не нужно заботиться,—давно не бывало у него такихъ отрад-

СТ ныхъ и мирныхъ дней! Но онъ уже твердо зналъ:
это его послѣдняя осень. Изъ головы не выходили
воспоминанія о бѣлой лошади, — онъ теперь ужъ
ОТ не сомнѣвался, что видѣлъ ее, — и мысль о звѣ-
риной хитрости астмы: не спроста дала она ему
СТ такой долгій отдыхъ!

ДѢ Положимъ, на то были причины. Астма послѣ
воспаленія легкихъ всегда отпускаетъ на время.
К Астма не уживается съ покоемъ. А онъ жилъ
очень покойно. Дѣтей цѣлый день нѣтъ дома, —
СЮ почти до вечера уходятъ въ школу, — Котикъ ре-
ЛЮ бенокъ тихій, Марья Яковлевна занята по дому.
М Голько и слышишь: «Ахъ, Господи, куда-жъ это
И ключи забельшила?..» И дни текутъ въ тишинѣ,
И въ беззаботномъ одиночествѣ... Но почему астма
СЮ не трогала его почти все лѣто?

И Вся его жизнь была связана съ нею. Съ ран-
ней молодости онъ отдавалъ треть всѣхъ своихъ
ИЛ на борьбу съ нею, на изученіе ея права.
П Жизнь истощила его, сдѣлала его рабомъ нужды,
М аботъ, мѣщанства. Астма воплотила въ себѣ всю
Л яготу и духоту этой жизни. Она всегда казалась
В му живымъ существомъ, безпощаднымъ, злымъ,
И нимательнымъ. Малѣйшій упадокъ силъ, малѣй-
ТШ ее разстройство ихъ, малѣйшая слабость — и
П астма спѣшитъ обвиться вокругъ его шеи и ра-
остно начинаетъ сдавливать ее...

О — Живая, живая! — подумалъ землемѣръ, вол-
В уясь и бродя по залу, уже полному сумерками,
З , взглянувъ въ зеркало, со страхомъ увидалъ въ

немъ свое худое волосатое лицо, свои расширенные темные глаза, сурово сдвинутыя большія брови, свою чистую гробовую сѣдину.

И, закрывая отъ страха глаза, безпокойно зашагалъ изъ угла въ уголь.

Онъ вспомнилъ канунъ Ивана Постнаго, — вечеръ, въ который онъ уѣхалъ отъ Стоцкаго, — вспомнилъ свою безпричинную радость, тоску и тревогу въ дорогѣ, жуткій восторгъ передъ таинственной и злой ночной жизнью... до осязаемости увидѣлъ внутреннимъ зрѣніемъ бѣлую лошадь съ прекрасными человѣческими глазами... заставилъ себя удивиться нелѣпости этого призрака — и не могъ! Былъ въ немъ теперь только холодъ отчаянія, сознание, что бѣлая лошадь всемъ существомъ своимъ сказала ему о красотѣ и безпощадности жизни... той живой, той страшной силы, что со всѣхъ сторонъ окружила его, безсильнаго.

Онъ весь вѣкъ чувствовалъ, что она стережетъ его, издѣвается надъ нимъ, приходитъ къ нему воровски и внезапно, выжидаетъ ночи. И если онъ былъ слабъ, ночь не проходила ему даромъ. Томительная радость, перемѣшанная со смертельной тоской, овладѣвала имъ еще задолго до заката. А это лишало его и послѣдней бодрости. И какъ только онъ, обезсиленный, дрожащій, ложился въ постель и тушилъ свѣчу, тотчасъ же радостно и безшумно падала ему на грудь астма. Онъ пытался бороться. Онъ вскакивалъ, зажигалъ свѣчу, зеленѣлъ, синѣлъ отъ натуги, отъ жажды

хоть одинаго глотка воздуха-- и бѣдное сердце трепетало и кричало въ немъ дикими беззвучными криками... Теперь это сердце опять ждало борьбы—можетъ быть, послѣдней. Его работа кончалась... А съ какою жаждой начиналось оно, съ какою страстью и любовью ко всему живому, сильному,—ко всему, что теперь такъ беспощадно вытѣсняетъ его изъ міра!

Онъ ушелъ въ кабинетъ, снялъ съ полки Библию и развернулъ давно знакомую книгу Іова. На столѣ царилъ обычный беспорядокъ: лежали какіе-то гвозди, старые планы, разсыпанные патроны папирось... Онъ приладилъ съ краю и зачитался, не поднимая головы.

Потомъ положилъ локти на книгу и заглядѣлся на кривую лѣсовку, росшую на пустырѣ за окномъ.

Да, вотъ былъ человѣкъ вепорочный, справедливый, богобоязненный. Былъ онъ богатъ, здоровъ, радостенъ. Но истребилъ сатана, съ изволенія Господня, все его имущество, истребилъ всѣхъ чадъ его и поразилъ его проказою отъ подошвы по самое темя. И взялъ человѣкъ черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сѣлъ въ пепелъ внѣ селенія. И открылъ уста свои и страстно проклялъ день свой. «Погибни, сказалъ онъ, день, въ который я родился, и ночь, въ которую сказано: зачался человѣкъ! Дыханіе мое ослабѣло; дни мои прошли; думы мои—достояніе сердца моего—разбиты; ночью ноютъ во мнѣ кости мои: ибо лѣтамъ моимъ приходитъ конецъ, и отхожу я въ путь не-

возвратный.—Скажу Богу: за что ты со мною борешься? За что гонишься за мною, какъ левъ, и нападаешь на меня, и чуднымъ являешься во снѣ. Но не отвѣтитъ мнѣ Богъ!»

Было въ простотѣ этихъ словъ, въ образѣ безумно-вдохновеннаго прокаженнаго, сидящаго въ пустынѣ за селеніемъ, скребущаго черепкомъ гнойныя раны и проклинающаго жизнь отъ колыбели до гроба, что-то столь древнее и въ то же время столь близкое во всѣ времена каждому человѣческому сердцу, что прежде землемѣръ былъ не въ силахъ читать этихъ словъ. Но теперь онъ прочелъ ихъ спокойно и медленно, чувствуя себя почти равнымъ Іову въ безнадежности. Потомъ просмотрѣлъ середину книги—она никогда не нравилась ему запутаннымъ пустословіемъ друзей Іова,—и остановился только на словахъ Сафарана.

«Можешь ли ты постигнуть Вседержителя? Онъ превыше небесъ: что можешь сдѣлать? Глубже преисподней: что можешь узнать? Но пустой человѣкъ мудрствуетъ, хотя человѣкъ рождается подобно дикому осленку»...

— Ну, вотъ и отвѣтъ! Вотъ и отвѣтъ дикому осленку! — медленно сказалъ землемѣръ, глядя въ сумерки.—Гдѣ-жъ спасеніе? Гдѣ пріютъ безсильному?

— Ей, Господи, приди и возьми!—вслухъ сказалъ онъ, глядя въ сумерки, и брови у него стрѣлочно далеко сморщились и задрожали.

— Я покоряюсь, — сказалъ онъ, восторженно

схлипнувъ, и, вставъ съ мѣста, трясущимися руками закурилъ папиросу.

Но тутъ изъ прихожей послышались веселые голоса вернувшихся изъ школы дѣтей, потомъ бы-то тяжелые шаги, и въ комнату быстро вошла взволнованная, вся пахнувшая осенней свѣжестью Гарья Яковлевна.

— Полюбуйтесь! — воскликнула она. — Иванъ Павловъ капусту прислалъ! Ну, пря-ямо смотри́ть е на что. Кочерыжки однѣ!

Землемѣрь сморгнулъ слезы, нѣжно и жалко выбнулъ ей и отвернулся къ окну.

8.

— Это безобразіе! — говорилъ онъ вечеромъ, идя за ужиномъ. — Цѣлый день дѣти голодныя! ѣдь ты подумай, какъ это вредно!

На столѣ горѣла лампа подъ абажуромъ изъ розовой бумаги и стояла миска со щами. Марья Яковлевна медленно и аккуратно ѣла, вся поглощенная думами о капустѣ, а дѣти, пользуясь этимъ, тискали другъ друга за ноги, вскрикивали отъ боли, хохотали и хватали другъ у друга изъ талочекъ, расплескивая по столу. Землемѣрь, сгорѣвши, сидѣлъ съ дымящимся мундштукомъ въ рукахъ и глубоко затыгивался.

Возня дѣтей волновала его, и онъ глядѣлъ на ихъ почти съ ненавистью. Руки у него слегка

дрожали, глаза лихорадочно блестяли, темя ломило, сердце трепетало, въ груди, гдѣ-то глубоко внутри, чесалось... Было похоже на отравленіе табакомъ, на угаръ, насморкъ.

— Я коклеты имъ посылаю на завтракъ,— отвѣтила Марья Яковлевна и, отдуваясь, вытерла тонкія губы салфеткой.

— Коклеты!—сило передразнилъ землемѣръ задрожавшимъ отъ злобныхъ слезъ голосомъ.

И, сдѣлавъ надъ собой усиліе, всталъ и споконнѣ прибавилъ:

— Я не буду ужинать, лягу спать сейчасъ вели не шумѣть дѣтямъ...

И затворился въ кабинетъ.

Тамъ онъ бросилъ папиросу на полъ, сѣлъ въ кресло и долго сидѣлъ безъ движенія, согнувшись и крѣпко, съ цѣпкостью сумасшедшаго стиснувъ ледяными пальцами ручки кресла. Ротъ его изрѣдка раскрывался, со свистомъ ловя воздухъ. Блестящіе глаза были расширены и съ изумленіемъ устремлены на свѣчку. Лицо посинѣло отъ натуги — и посѣдѣвшая борода казалась бѣлой страшной, гробовою.

Потомъ, собравъ всѣ силы, съ поднятыми плечами, онъ приподнялся съ мѣста и сталъ жечь на свѣчкѣ селитренную бумагу и жадно втягивать ѣдкій дымъ ртомъ и ноздрями.

Стало немного легче, и тогда онъ послѣшилъ раздѣться, дунулъ на свѣчку и тотчасъ же забылся въ наступившей темнотѣ.

болѣзненно блестящими глазами. Въ домѣ было тихо, — всѣ были въ церкви, — на столѣ въ залѣ стоялъ остывшій самоваръ. Землемѣръ выпилъ стаканъ теплаго чаю и на минутку вышелъ на крыльцо, — первый разъ послѣ болѣзни.

Боже, какое невыразимое счастье — дышать! Думать, смотрѣть, двигаться — это дивно, сладко, но дышать... люди даже и представить себѣ не могутъ, чего они лишатся, утративъ блаженство пить этотъ божественный напитокъ жизни!

И, сладостно слабѣя отъ душистой свѣжести, проникавшей до самой глубины наболѣвшей груди, землемѣръ прислонился къ двери.

На крыльцѣ — яркое радостное тепло, изъ палисадника тянетъ холодкомъ сырой земли и вялымъ ароматомъ гниющихъ цвѣтовъ и листьевъ. Противоположная сторона улицы еще въ тѣни, и въ прозрачномъ воздухѣ такъ близки кажутся голубовато-бѣлыя стѣны мазанокъ. Вѣтви лозинъ за ними уже голы и четко рисуются на чистой лазури... Какой просторъ сіяетъ теперь за селомъ, въ степи, — на мерзлыхъ кочковатыхъ дорогахъ, на изумрудныхъ озимяхъ, надъ которыми въ прозрачномъ воздухѣ дрожатъ острия крылья ястребовъ и кобчиковъ!.. Но стоять было трудно, воздухъ пьянилъ и рѣзалъ грудь.

Онъ повернулся и столкнулся съ Василисой, выносившей изъ дому мѣдный подносъ съ самоваромъ и чашками. «Вотъ здоровье:» острой завистью мелькнуло у него въ головѣ. Не то кукла,

не то истуканъ какой-то! Черные глаза радостно и бессмысленно блестятъ, лицо сизо отъ густого румянца и цинковыхъ бѣлилъ, бордовое шерстяное платье, неуклюже сшитое по модѣ и надушенное «персидской сиренью», чуть не трещить по швамъ, въ черныхъ волосахъ краснѣетъ бумажная роза, на шеѣ блестятъ разноцвѣтныя бусы...

— Съ праздникомъ, баринъ! — сказала Василиса бойко. — Чуть было не задавила васъ!

И ловко захлопнула дверь ногою.

А въ залѣ, на высокомъ стулѣ возлѣ стола, сидѣлъ Котикъ, ѣлъ съ блюбочка яйцо въ смятку и тарачилъ глаза, засовывая въ ротъ чайную ложечку. За столомъ стояла недавно нанятая нянька, бѣдная мѣщанка Пелагея, очень худая и высокая, съ длиннымъ лицомъ, съ длинными зубами, въ темномъ старушечьемъ платьѣ горошкомъ, и говорила печально и разсѣянно:

— Вы, батюшка, яичка-то поменьше, а хлѣбца побольше, — вотъ и сыты будете...

Въ одиннадцать пришли изъ церкви дѣти и Марья Яковлевна, нарядныя, церемонныя, — какъ гости. Марья Яковлевна — въ лиловомъ шелковомъ платьѣ, маленькой старомодной шляпкѣ, въ митенкахъ и съ зонтикомъ; дѣвочки, блѣдныя, некрасивыя, — обѣ въ розовомъ, Павликъ стройный, хорошенькій, — въ темно-синимъ суконномъ костюмчикѣ, похожемъ на матросскій. И только одинъ Павликъ вошелъ въ комнату бодро и просто, блестя чер-

ными злыми глазками. А дѣвочки и Марья Яковлевна еле двигались.

— Ахъ, Боже мой!—жеманно сказала Марья Яковлевна, поставивъ въ уголъ зонтикъ и развязывая подъ подбородкомъ ленты черной корзиночки, чуть державшейся на макушкѣ ея прилизанной головы съ широкимъ проборомъ.

И дѣвочки, крутя головками, томно повторили въ одинъ голосъ:

— Ахъ, Боже, какая духота была въ храмѣ!

— Давайте поскорѣе обѣдать,—сказалъ землемѣръ, вдругъ почувствовавъ отвращеніе ко всему своему дому и смертельную слабость въ тѣлѣ.

— Не думаю, чтобы было готово,—изнемогающимъ голосомъ отвѣтила Марья Яковлевна...

И время до обѣда текло мучительно медленно. Бѣсть не хотѣлось, но чѣмъ, кромѣ бѣды, наполнить долгій праздничный день въ этомъ скучномъ и противномъ домишкѣ, гдѣ интересенъ только одинъ черноглазый Павликъ?

Я золь потому, что измучился за ночь,—подумалъ землемѣръ, и, выпивъ послѣ обѣда бутылку пива, съ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ легъ въ постель.

Но сердце дрожало, замирало, и, какъ только землемѣръ закрылъ глаза, постель полетѣла въ бездну. Онъ съ трудомъ приподнялся, снялъ пиджакъ, ситцевую рубашку и швырнулъ въ уголокъ жаркую лисью курточку. Но и рубашка была противна; еще ни разу не мытая, горячая, съ запа-

С
Сав
де
де
Сне
Зв
Бус
да
Бре
еу
зе
Иль
по
щ
кр
вм
ка
Ест
ко
иу
Бов
еб
Еон
Жол
ни
Мат
Крѣ
неб
дой

омъ гилантерейной лавки. Отъ этого запаха топило и ломило голову... Потомъ поднялся мучительный затяжной кашель съ насморкомъ... И замученнаго землемѣра охватила страстная жажда смерти, ечеловѣческаго вздоха, отъ котораго сразу лопуло бы сердце... Съ этой жаждой онъ и забылся.

Въ три часа онъ внезапно очнулся, услыхавъ акую-то возню въ залѣ, и слабо крикнулъ:

— Кто тамъ?

Но никто не отозвался.

Марья Яковлевна ушла съ дѣтьми въ гости къ тановому или сидѣльцу винной лавки. Прислуга шла за воротами. И въ душѣ вдругъ такъ сно, такъ отчетливо слышались рѣзкіе ухаистые звуки, хриплые басы и альты аристана, грающаго краковякъ, что на головѣ зашевелились олосы. И съ ужасающей яркостью представилась ѡлая лошадь, вошедшая въ темнѣющій залъ и съ аслажденіемъ, съ расширенными темными глазами, слушающая музыку.

— Боже, какой вздорь!— подумалъ землемѣръ, акрывая глаза и сисясь освободиться отъ этого естерпимо живого образа.—Боже, какое издѣвательство?

Вдругъ что-то стукнуло.

Землемѣръ быстро взглянулъ и увидѣлъ, какъ о столу мелькнулъ длинный хвостъ большой сѣвой крысы. Землемѣръ затаилъ дыханіе и сталъ одждать, что будетъ дальше.

— Придетъ или нѣтъ? — думалъ онъ, дрожа

всѣмъ тѣломъ. — Если придетъ,—значить, нынѣ
конецъ мнѣ!

И, не дождавшись, снова заснулъ глубокимъ
тяжкимъ сномъ. А когда открылъ глаза, весь по
холодѣлъ отъ страха: въ комнатѣ почти темно, ти-
шина гробовая, а крыса стоитъ на столѣ на зад-
нихъ лапкахъ, задомъ къ окну, и пристальнѣ
смотритъ на постель... Ушки подняты и розовѣютъ
на свѣтъ... Значить, конецъ!

Онъ спалъ, какъ снать передъ казнью.

И, весь дрожа отъ страха и холода, землемѣр
уронилъ голову на подушку.

— Помилуй мя, Боже, по величѣй милост
Твоей!—пробормоталъ онъ умоляюще-безсильно.

Онъ представилъ себѣ свое дѣтство, младенчест
и почувствовалъ невыразимую жалость къ этом
бѣдному маленькому осленку, неизвѣстно зачѣмъ
пришедшему въ мѣръ и осмѣлившемуся мудрств
вать. Что отвѣтитъ ему Богъ въ шумѣ бури? Он
только напомнитъ безумцу его ничтожество, напо
нитъ, что пути Творца неисповѣдимы, грозны
радостны и развернетъ бездну величія Своего, ск
жетъ только одно: Я—Сила и Безпощадность.
ужаснетъ великой красотой проявленія этой сил
на землѣ, гдѣ отъ вѣка идетъ кровавое состязан
за каждый глотокъ воздуха... и гдѣ безпомощнѣ
и несчастнѣй всѣхъ—человѣкъ.

— Кто сей, омрачающій Провидѣніе слова:
безъ смысла? — вспомнилъ онъ страшныя слов
звучавшія когда-то въ шумѣ бури.—Препояшь нынѣ

с
свирсла свои, какъ мужъ: Я буду спрашивать, а ты
отвѣчай Мнѣ...

Ч — О, какая красота! — сказалъ землемѣръ, и
Чорячія слезы выступили изъ-подъ его рѣсницъ.

Вс — Знаешь ли ты время, когда рождають дикія
Бозы на скалахъ? — Онѣ изгибаются, рождая дѣтей
извоихъ, а дѣти ихъ приходятъ въ силу, растутъ
по всѣмъ полѣ и не возвращаются къ нимъ. Знаешь ли
Чуны, кто разрѣшилъ узы Онагру, которому степь Я
незначилъ домомъ, а солончаки жилищемъ? Захо-
бьетъ ли Единорогъ служить тебѣ и переночуетъ
у яслей твоихъ? Ты ли далъ перья и пухъ
Циграусу? Онъ оставляетъ яйца свои на пескѣ и
крабываетъ, что полевой звѣрь можетъ растоптать
вмхъ. Онъ жестокъ къ дѣтямъ своимъ, какъ бы не
кавоимъ...

Гет — Все сила, сила и — свобода! — воскликнулъ
Кемлемѣръ, садясь на постели и почти на-яву видя
въ темнотѣ передъ собой свою гибель, свою смерть, —
чуваю лошадь съ дико-веселымъ, вызывающимъ и
роеспощаднымъ взглядомъ.

Етѣ: — Храпѣніе ноздрей ея — ужасъ, — съ безумнымъ
роесторгомъ вспомнилъ онъ стихи о лошади въ
Колнигѣ Іова. — Роетъ ногою землю и восхищается
илою. Въ порывѣ ярости глотаешь землю и не
Маложетъ устоять при звукѣ трубы. При звукѣ трубы
Крѣздаетъ голосъ: гу! гу! и издалека чуетъ битву,
Чесомкіе голоса вождей и крикъ...

Сдой — А верхъ путей Его! — дерзко и громко, точно

въ бреду, сказалъ землемѣръ.—Верхъ путей Его—быкъ Ивана Павлова... бегемотъ... левиаѳанъ...

— Сила въ чреслахъ бегемота и крѣпость въ мускулахъ его. Поворачиваетъ хвостомъ своимъ, какъ кедромъ. Жилы же на бедрахъ его переплетены. Ноги у него, какъ мѣдныя трубы. Кости у него, какъ желѣзные прутья. Это—верхъ путей Божіихъ.

— *Астма Ты!*—сказалъ землемѣръ, блестящими бѣшеными глазами глядя въ темноту и свистя бронхами.

9.

Ночью въ тускломъ воздухѣ кабинета тускло горѣла лампа. Тяжело пахло холоднымъ дымомъ сигаръ и жженой бумаги. Землемѣръ, съ опухшимъ пятнистымъ лицомъ, съ расширенными черными глазами и густой бѣлой бородой, въ разорванной сверху до низу рубашкѣ, полулежалъ на высоко взбитыхъ подушкахъ. Грудь его, покрытая сѣдѣющими курчавыми волосами, была въ круглыхъ лиловыхъ кровоподтекахъ: вернувшаяся въ десять часовъ отъ становаго Марья Яковлевна нашла его почти безъ сознанія и поставила ему банки, зажигая вату и быстро прикрывая стаканами... Стало легче, и онъ уговорилъ Марью Яковлевну идти спать. Марья Яковлевна успокоилась и ушла. И въ домѣ, послѣ суматохи и бѣготни, наступила мертвая тишина.

Въ полночь землемѣръ привсталъ съ постели, потушилъ лампу и закрылъ глаза въ смертельной жаждѣ отдыха. Но лампа внезапно зажглась снова—сама собою. Отъ страха у землемѣра опять заколотилось сердце, и онъ опять пошелъ тушить ее. И увидалъ, что онъ въ людномъ дымномъ вагонѣ, бѣгущемъ среди зыбкихъ снѣжныхъ полей,—лежитъ на диванѣ и смотритъ на кавалериста офицера, сидящаго напротивъ. Офицеръ молодъ, красивъ и крѣпко, крѣпко затянутъ въ рейтузы и смѣшно короткій китель. Глаза у него блестятъ, губы яркія, короткіе курчавые волосы черны, какъ смоль. Усики маленькіе, нахальные. И, нахально наклоняясь къ землемѣру, офицеръ глухо кричитъ ему на ухо:

— Вы все-таки счастливецъ! Скоро и прѣдете!

И, наклоняясь все ниже и ниже и чувствуя, что землемѣръ почти не слышитъ его, кричитъ еще громче и еще невнятиѣе:

— А надо вамъ сказать, что я безумно люблю свою жену...

Но землемѣръ съ отчаяніемъ чувствуетъ, что не слышитъ его. По лицу офицера видно, что онъ кричитъ,—но голоса не слышно. И, задыхаясь отъ напряженія, землемѣръ вскочилъ и побѣжалъ по широкому выгону къ воротамъ скотнаго двора, упалъ на землю и нырнулъ въ подворотню, но ворота тотчасъ-же осѣли—и стопудовой тяжестью притиснули его къ землѣ. Онъ крикнулъ и сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе освободиться... И, вско-

чивъ съ постели, кинулся къ окну, за которымъ бѣлѣлъ разсвѣтъ, и съ размаху ударилъ ладонью въ раму. Рама распахнулась, въ комнату ворвался свѣжій сырой воздухъ, но землемѣръ не успѣлъ глотнуть его: онъ упалъ въ кресло и такъ и остался на мѣстѣ съ закинутой назадъ головой, выкатившимися изъ орбитъ бѣлками и раскрытыми посинѣвшими губами... И долго тянуло въ эти раскрытыя губы холодной пахучей сыростью ненастнаго, осенняго разсвѣта...

А въ полдень, когда землемѣръ уже спокойно лежалъ на столѣ, на сѣнѣ, застланномъ простыней, вымытый, причесанный, въ сюртукѣ и крахмальной рубашкѣ, въ залъ на цыпочкахъ вошелъ Иванъ Павловъ, поклонился ему до земли, поцѣловалъ въ ледяной лобъ, въ лиловатяя выпуклости закрытыхъ глазъ и, увидавъ выходящую изъ кабинета заплаканную Марью Яковлевну, вѣжливо, кротко и радостно сказалъ:

— Имѣю честь поздравить съ новопреставленнымъ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ОСВОБОЖДЕНІЕ“

С.-Петербургъ, Невскій, 92. Телефонъ 48-48.

Центральный книжный складъ „ОСВОБОЖДЕНІЕ“ выполняетъ немедленно заказы на учебники.

Центральный книжный складъ „ОСВОБОЖДЕНІЕ“ обращаетъ особое вниманіе на подборъ и составленіе всевозможныхъ библиотекъ. Желающіе выписывать отъ насъ ту или иную библиотечку благоволятъ указать, хотя бы ли они получить по какому-нибудь опредѣленному отдѣлу знанія или предоставляютъ составленіе библиотечки усмотрѣнію нашего магазина. Необходимо указать, для какого читателя требуется библиотечка а также на какую сумму должна быть она составлена.

Центральный книжный складъ и магазинъ „ОСВОБОЖДЕНІЕ“ беретъ на себя трудъ постоянно снабжать книгами земскіе книжные склады, школы, клубы, собранія, общества, комитеты и другія общественныя учрежденія.

Книжнымъ магазинамъ, лавкамъ, складамъ, кіоскамъ и ларямъ, а также и всѣмъ, кто пожелаетъ,—центральный книжный складъ и магазинъ „ОСВОБОЖДЕНІЕ“ регулярно высылаетъ всѣ новинки книжнаго рынка.

Книгоиздательство и Книжный Складъ

„Освобожденіе“.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 92. Телефонъ 48-48

- № 8. Евг. Чириковъ. Студенты прѣхали.
№ 9—10. Леонидъ Андреевъ. Губернаторъ.
№ 11. Евг. Чириковъ. На порукахъ.
№ 12. Евг. Чириковъ. Капитуляція.
№ 13—14. А. И. Купринъ. Молохъ.
№ 15. Евг. Чириковъ. Блудный сынъ.
№ 16. Георг. Чулковъ. Невѣста.
№ 17. Скиталець. Любовь декоратора.
№ 18—20. Сем. Юшкевичъ. Распадъ.
№ 21. А. И. Купринъ. Съ улицы.
№ 22. Борисъ Зайцевъ. Аграфена.
№ 23. Евг. Чириковъ. Въ лѣсу.
№ 24. А. И. Купринъ. Рѣка жизни.
№ 25—26. Семенъ Юшкевичъ. Голодь.
№ 27. Н. Телешовъ. { 1) Между двухъ береговъ.
 { 2) Черною ночью.
№ 28. А. Серафимовичъ. Живая тюрьма.
№ 29. А. И. Купринъ. Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ.
№ 30. М. Арцыбашевъ. Паша Тумановъ.
№ 31. А. Каменскій. Ничего не было.
№ 32. С. Елпатьевскій. Савелій.
№ 33. Л. Мельшинъ. Любимцы каторги.
№ 34. Н. Телешовъ. Сухая бѣда.
№ 35. Н. Олигеръ. На аванпостахъ.
№ 36—37. Евг. Чириковъ. Бѣлая ворона.
№ 38. Д. Айзманъ. На чужбинѣ.
№ 39. Борисъ Лазаревскій. Умершая. Она.
№ 40. А. Серафимовичъ. Преступленіе.
№ 41. Л. Мельшинъ. Маленькіе люди.
№ 42. Н. Гаринъ. Дворецъ Дима.
№ 43. Скиталець. Дуэтъ. Въ лѣсу.
№ 44. М. Арцыбашевъ. Вдвоемъ.
№ 45. М. Арцыбашевъ. Кровь.

3000

**СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ ВЫПУСКАХЪ
по 10 коп.**

- № 46—47. Евг. Чириковъ. Царь природы.
№ 48. А. Крандлевская. Ничтожные.
№ 49. А. Гринъ. Маленькій заговоръ.
№ 50. Маминъ-Сибирякъ. Дорогой хлѣбъ науки.
№ 51—52. М. Арцыбашевъ. Бунтъ.
№ 53. Н. Гаринъ. Въ усадьбѣ.
№ 54. Н. Тимковскій. Жалованье.
№ 55. Анатолий Каменскій. Бѣлая ночь.
№ 56. С. Елпатьевскій. Ёдутъ.
№ 57. Владиславъ Кохановскій. Звѣрь.
№ 58. А. Крандлевская. «Какъ хороши... Какъ свѣжи
были розы...»
№ 59—60. Леонидъ Андреевъ. Христиане. На рѣкѣ. На-
батъ. Городъ. Книга.
№ 61. А. Серафимовичъ. Свиданіе. Онъ пришелъ...
№ 62. Гусевъ-Оренбургскій. Идеалистъ.
№ 63. А. Вербицкая. Ошибка.
№ 64. Маминъ-Сибирякъ. Аннушка.
№ 65—67. М. Арцыбашевъ. Рабочій Шевыревъ.
№ 68. Владиславъ Кохановскій. Студентъ Ивановъ.
№ 69—70. Анатолий Каменскій. Люди.
№ 71. Д. Айзманъ. Доброе дѣло.
№ 72. Ив. Бунинъ. Астма.
№ 73. Гусевъ-Оренбургскій. Пастырь добрый.
1) У свѣжей могилы.
2) Ночь.
3) Дочь народа.
4) Для души.

Цѣна cadaго номера 10 коп.

Печатаятся:

М. Купринъ. Суламиевъ. || Изумрудъ.

Н. Гаринъ. Вариантъ.

Анатолий Каменскій. На дачѣ. || Дипломъ.

Книгоизд. «ОСВОБОЖДЕНІЕ» Спб., Невскій, 92.

